

Василий АВЧЕНКО

ОЧАРОВАННЫЕ СТРАННИКИ

Литературные первопроходцы
Дальнего Востока

Василий АВЧЕНКО

ОЧАРОВАННЫЕ СТРАННИКИ

Литературные первопроходцы Дальнего Востока

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2022

ИНФОРМАЦИЯ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Авченко В. О.

Очарованные странники: Литературные первопроходцы Дальнего Востока / Василий Авченко. — М.: Молодая гвардия, 2021.

ISBN 978-5-235-04638-2

Культурное освоение территории не менее важно, чем административное, военное, хозяйственное. Данное издание — сборник очерков о литературных первопроходцах Дальнего Востока. Эти писатели продолжали — вслед за мореплавателями, военными, дипломатами — дело приращения отдалённых восточных территорий и акваторий к России. Среди героев книги — и признанные классики Иван Гончаров, Антон Чехов, Михаил Пришвин, и выдающийся путешественник, учёный, писатель Владимир Арсеньев, и живший во Владивостоке и Харбине белоэмигрант, поэт, прозаик Арсений Несмелов, и автор культового романа «Территория» геофизик Олег Куваев. Иностранцем в этом перечне может показаться американец Джек Лондон, но и он, как утверждает автор владивостокский журналист и прозаик Василий Авченко, связан с Россией и её дальневосточными перифериями куда прочнее, чем может показаться. Эта книга — не только о судьбах и текстах, но и о самом Дальнем Востоке, его прошлом и настоящем.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

16+

© Авченко В. О., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2021

*Памяти Александра Михайловича Лобычева (1958—2018),
интеллекта и подвижника*

НА КРАЮ РУССКОЙ РЕЧИ

Культурное освоение территории не менее важно, чем военное, административное, хозяйственное. Только ожив в слове, мелодии, образе, территория становится по-настоящему *освоенной*.

Литературная прописка отдалённых малонаселённых уголков империи — задача государственного масштаба.

Начатое адмиралом Геннадием Ивановичем Невельским¹ присоединение Сахалина к России продолжил Антон Павлович Чехов², создав первую энциклопедию дальневосточной жизни. Приживление Приморья к России завершил Владимир Клавдиевич Арсеньев³ — писатель и учёный.

Не потому ли мы утратили Аляску, что Русская Америка не успела по-настоящему прирасти к метрополии, не будучи осмысленной в песнях и романах? Или — ещё и потому, что за неё не пришлось воевать?

Историю и географию мы знаем по большому счёту из литературы — архивы и документы остаются уделом специалистов. Именно литература даёт возможность ощутить далёкие земли и эпохи своими, близкими — будь то катаевская Одесса, бажовский Урал или распутинская Ангара.

Литературная освоенность российских территорий неравномерна. Если Днепр, Дон, Колыма навсегда поселились в нашей словесности, то кому известны Яна, Алазея, Оленёк, не уступающие «великим европейским рекам»? Волга впадает в Каспийское море — а куда вливается грандиозная Обь? Чёрное море описано вдоль и поперёк — а как быть с Беринговым, Охотским, Японским?

Поначалу освоение Дальнего Востока шло по «северам» — через Якутск и Охотск на Камчатку, Чукотку, Аляску... В XIX веке добавился южный ход — от Байкала к Амуру, Усури, Япономорью. Сегодня наиболее заселённый Дальний Восток — именно «юга»: Приморье, Приамурье, Сахалин.

Русской истории этих земель нет и двух веков. Территории

не хватает тех, кто способен её осмыслить.

Зачинателем дальневосточной ветви русской литературы с некоторой натяжкой можно считать протопопа Аввакума⁴ — диссидента, публициста, мученика, которого писатель Андрей Георгиевич Битов⁵ назвал первым постмодернистом. С отрядом воеводы Афанасия Филипповича Пашкова⁶ Аввакум добрался до забайкальских истоков Амура — этот путь описан в его знаменитом «Житии...»⁷. Именно с Забайкальем связан известный диалог Аввакума с супругой: «Я пришёл, — на меня, бедная, пеняет, говоря: “долго ли муки сея, протопоп, будет?” И я говорю: “Марковна, до самая смерти!” Она же, вздохня, отвечала: “добро, Петровичь, ино ещё побредём”».

В следующем, XVIII веке на восток внимательно смотрел дальновидный Михайло Васильевич Ломоносов⁸, написавший в «Оде на день восшествия на всероссийский престол её величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»:

Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца восход и где Амур
В зелёных берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.
.....
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

Речь идёт о необходимости пересмотреть Нерчинский договор 1689 года, дабы присоединить к России Приамурье и Приморье. Мечта Ломоносова сбылась век с лишним спустя — в 1858—1860 годах с подписанием Айгунского и Пекинского договоров между Россией и Китаем.

В 1827—1829 годах в Якутии отбывал ссылку декабрист Александр Александрович Бестужев-Марлинский⁹. Написал

«Сибирские рассказы», которыми зачитывался Александр Сергеевич Пушкин, и балладу «Саатырь», скрестив таёжные якутские предания с европейской романтической мистикой.

Русские долго считались народом сухопутным; пожалуй, именно байронист Бестужев-Марлинский первым из соотечественников создал художественный образ моря, попробовал сформулировать философию океана. Герой его повести «Фрегат “Надежда”» (1832) капитан-лейтенант Правин собирается «отправиться на четырёхлетнее крейсерство к американским берегам, частью для открытий, частью для покровительства нашей ловле у Ситхи¹⁰, у Алеутских островов и близ крепости Росс». Этого ему не удаётся. Пришлось писателю Ивану Александровичу Гончарову¹¹ покинуть обломовский диван и отправляться к берегам Японии и Америки на фрегате «Паллада» — уже не выдуманном, а настоящем. Правда, добраться до Аляски «Палладе» тоже было не суждено. Поэтому Русскую Америку мы знаем не из Гончарова, а из Джека Лондона¹², жившего, кстати, неподалёку от той самой крепости Росс (Форт-Росс) — самого южного русского поселения в Калифорнии, основанного в 1812 году.

Десятилетия спустя в Якутии — как и Бестужев-Марлинский, не по своей воле — окажутся писатели Николай Гаврилович Чернышевский¹³ (якутский поэт Элляй¹⁴ сравнил его с Прометеем), Владимир Галактионович Короленко¹⁵, Вацлав Леопольдович Серошевский¹⁶.

Прототип заглавного героя короленковского рассказа «Сон Макара» — крестьянин Захар Цыкунов, у которого писатель жил в посёлке Амге: «...Пока отцы и деды Макара воевали с тайгой, жгли её огнём, рубили железом, сами они незаметно дичали. Женясь на якутках, они перенимали якутский язык и якутские нравы. Характеристические черты великого русского племени стирались и исчезали... Макар твёрдо помнил, что он коренной чалганский крестьянин. Он здесь родился, здесь жил, здесь же предполагал умереть. Он очень гордился своим званием

и иногда ругал других “погаными якутами”, хотя, правду сказать, сам он не отличался от якутов ни привычками, ни образом жизни. По-русски он говорил мало и довольно плохо, одевался в звериные шкуры, носил на ногах торбаса, питался в обычное время одною лепёшкой с настоем кирпичного чая, а в праздники и в других экстренных случаях съедал топлёного масла именно столько, сколько стояло перед ним на столе. Он ездил очень искусно верхом на быках, а в случае болезни призывал шамана, который, беснуясь, со скрежетом кидался на него, стараясь испугать и выгнать из Макара засевшую хворь». Но когда Короленко разрешили вернуться из ссылки, Захар просил «прислать ему всю крестьянскую одежду, как носят в России», чтобы хоть перед смертью одеться по-русски.

Повесть Вацлава Серошевского «Предел скорби» о таёжном якутском лепрозории вдохновила режиссёра Балабанова¹⁷ на фильм «Река», оставшийся незаконченным из-за гибели актрисы Туйары Свинобоевой. Рассказ Серошевского «Хайлак» неожиданным образом преломился в балабановском же «Кочегаре».

Сосланный на северо-восток народоволец, этнограф, лингвист Владимир Тан-Богораз¹⁸ написал романы «Жертвы дракона» (первое русское фэнтези) и «Восемь племён», «Чукотские рассказы» и — задолго до Варлама Тихоновича Шаламова¹⁹ — «Колымские рассказы».

Русская дальневосточная литература росла из травелогов, дневников, монографий: «Описание земли Камчатки» Степана Крашенинникова²⁰, записки купца Григория Шелихова²¹, морского офицера Гавриила Давыдова²², капитанов Крузенштерна²³, Лисянского²⁴, Головнина²⁵, «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России» адмирала Невельского... Первопроходцы нередко сочетали таланты военные, научные и литературные.

Иногда писатели на время превращались в моряков — как Иван Гончаров или Всеволод Крестовский²⁶.

Порой моряки становились писателями — как Константин Михайлович Станюкович²⁷, который в 1862 году, будучи гардемаринном, столкнулся во Владивостоке, основанном всего два года назад, с тигром: «Утром часов в шесть, когда ещё на дворе было темно, а ветер завывал немилосердно, вбежал к нам в комнату фельдфебель Бородин с криком: “Несчастье, Ваше благородие!”... Оказалось, что ночью тигр перебрался через соломенную крышу скотного двора и заел трёх лошадей, свалив их в кучу».

Инженер и писатель Николай Георгиевич Гарин-Михайловский, автор «Детства Тёмы», в 1898 году вёл в Приморье, Корею и Маньчжурии железнодорожные изыскания, попутно записывая корейские сказки.

Все названные и неназванные авторы так или иначе продолжали и развивать русскую словесность, и осваивать территории, что начали казаки, разведчики, священнослужители, чиновники, купцы, крестьяне, ссыльные... Писатели были здесь нужны не меньше, чем солдаты и пограничники. Литературные Карацупы столбили и стерегли территорию, которая только тогда становилась *вполне* нашей, когда переплавлялась в слова.

Знаменитую формулировку Аполлона Александровича Григорьева²⁸, назвавшего Александра Сергеевича Пушкина «нашим всем», можно понимать и так: Пушкин — матрица, содержащая коды всей предшествовавшей и наследующей ему отечественной литературы. Если попытаться выделить из этой ДНК-молекулы главные силовые линии, относящиеся к событиям национальной истории, увидим три большие темы: Петровские реформы, Пугачёвское восстание и освоение дальневосточных земель. Можно сказать, что это главные русские идеи вообще — государственность (вплоть до деспотии), воля (вплоть до бунта) и движение вширь, вовне (вплоть до Америки, полюсов, космоса и океанского дна).

Но если отношение Пушкина к Петру I и Емельяну Пугачёву²⁹

отражено в целом ряде его поэтических, прозаических и исторических сочинений, то тема «Пушкин и Дальний Восток» остаётся малоисследованной — как по причине периферийности самого Дальнего Востока на карте России и в сознании столичных литературоведов, так и в силу того, что по-настоящему заняться соответствующими вопросами Пушкин не успел. Он лишь наметил восточное направление в нескольких набросках, сделанных в последние недели и даже дни жизни.

Как Первая Камчатская экспедиция Витуса Ионассена Беринга³⁰, снаряжённая в 1725 году, стала своего рода завещанием Петра I (считавшийся западником, он, как видим, смотрел отнюдь не только в сторону Европы), так и невольным литературным завещанием Пушкина стали его черновики о Камчатке. Не успев добраться до восточных пределов империи, он тем не менее чётко обозначил дальневосточную тропу нашей словесности, которую позже торили и обновляли, дабы она не заросла, литераторы самых разных толков и калибров.

К дальневосточным наброскам Пушкина, имеющим общее заглавие «Заметки при чтении “Описания земли Камчатки” С. П. Крашенинникова», относят три фрагмента: «План и набросок начала статьи о Камчатке», «О Камчатке» и «Камчатские дела (от 1694 до 1740 года)». На последней рукописи Пушкин поставил дату — 20 января 1837 года. «Семь дней до дуэли, девять дней до смерти!.. Разгар трудов над четвёртым томом “Современника”, твёрдое намерение писать новые главы для “Истории Пугачёва”, на столе груды материалов по истории Петра; денежный долг давно перевалил за сто тысяч, ненависть и презрение к Геккерну, Дантесу отравляют мысли и сердце. Некогда, совершенно нет времени... Но Пушкин сидит и упорно делает выписки из толстого фолианта», — писал историк, пушкинист Натан Яковлевич Эйдельман³¹, констатируя неслучайность обращения Пушкина к данной теме.

Тем не менее эти наброски надолго остались в тени.

Последний из камчатских отрывков был опубликован литературоведом Сергеем Михайловичем Бонди³² в 1933 году, на чём изучение данных набросков, пишет Эйдельман, почти остановилось: специалисты не видели резона углубляться в конспект.

Действительно, черновики, о которых идёт речь, по большей части — не оригинальные пушкинские тексты, а выписки из сочинения Степана Крашенинникова — ботаника, географа, этнографа, который исследовал Сибирь и Дальний Восток в 1733—1743 годах, проехав и пройдя свыше 25 тысяч вёрст. Его вышедшее в 1755 году «Описание земли Камчатки» стало международным бестселлером. Эта объёмная книга — первый большой труд о российском Дальнем Востоке, имевший широкий успех.

И всё-таки считать выписки Пушкина не более чем конспектом, доказывает Эйдельман, — неверно. В них — не только крашенинниковское, но и пушкинское.

И при Крашенинникове, и при Пушкине у России ещё не было ни Приамурья, ни Приморья — эти территории вошли в состав империи лишь в середине XIX века. Русский Дальний Восток тогда точнее было бы называть Дальним Севером. «О Камчатской земле издавна были известия, однако по большей части такие, по которым одно то знать можно было, что сия земля есть в свете; а какое её положение, какое состояние, какие жители и прочая, о том ничего подлинного нигде не находилось» — так Крашенинников начинает свой труд. К зиме 1836/37 года, когда темой занялся Пушкин, многое изменилось, но и тогда мало кто представлял себе отчётливо, что такое Камчатка. Этот уже достаточно давно присоединённый к России край предстояло не только изучать и развивать, но и прописывать в пространстве русской культуры. Пушкин, уже побывавший на кавказском, черноморском, бессарабском фронтах³³ империи, занялся именно этим. Невыездной поэт словно столбил крайние точки России, утверждая или даже расширяя её владения.

Равно интересно и то, что Пушкин выписывал из труда Крашенинникова, обозначая свои читательские и потенциальные авторские приоритеты, и то, что он добавлял от себя.

В огромном труде Степана Крашенинникова — масса специальных сведений о географии, климате, фауне, флоре, минералах, быте, языках, верованиях аборигенов и т. д. Пушкин выписывает топонимы, сведения о коренных народах, упоминает «огнедышащие горы» (вулканы), «бобров» — каланов (морских выдр), медведей, лососей, мифического ворона Кутха — прародителя человечества... Но куда больше, чем природа, этнография и прочая экзотика, поэта занимали освоение Камчатки русскими, отношения наших «пионеров» с нашими «индейцами», местная экономика. Из первых, «естествоиспытательских» разделов крашенинниковского труда Пушкин выписал сравнительно немного, в основном сконцентрировавшись на последней, четвёртой части книги — «О покорении Камчатки, о бывших в разные времена бунтах и изменах и о нынешнем состоянии российских острогов». Это говорит, во-первых, о том, что Пушкин дочитал пространное сочинение Крашенинникова до конца; во-вторых, — о том, что его интересовали в первую очередь именно процессы присоединения нового края к России и его колонизации, а не география или ботаника сами по себе.

Пушкина, в частности, занимал «Федот Кочевщик» — холмогорский уроженец Федот Алексеев Попов³⁴, прошедший из Северного Ледовитого океана в Тихий с Семёном Ивановичем Дежнёвым³⁵ и вместе с ним открывший пролив между Азией и Америкой, позже названный именем Беринга. Попов, первым из русских посетивший Камчатку, был убит коряками при попытке их *объясачить*, то есть обложить налогом (по другой версии — умер от цинги); Александр Сергеевич величает его Федотом I, как монарха. Очень интересовала Пушкина и фигура «завоевателя Камчатки» устюжанина Владимира Васильевича Атласова³⁶.

Конфликты и даже настоящие сражения между казаками и аборигенами происходили на Камчатке постоянно, о чём подробно пишет Степан Крашенинников. Вот происходит бунт камчадалов, которые сожгли острог и «побили» казаков. Тогда на Камчатку возвращают попавшего было в опалу Владимира Атласова, веля «обид никому не чинить и противу *иноземцев* строгости не употреблять, коли можно обойтись ласкою»; однако отряд из семидесяти казаков во главе с Иваном Таратиным, посланный Атласовым для наказания убийц ясачных сборщиков, был вынужден принять бой с воинством из 800 камчадалов, и кровопролитие возобновилось. «Дикарей убито и потоплено столько, что Большая река запрудилась их трупами»; «Все казаки с женами и детьми были перерезаны»; «Все камчадалы погибли, не спаслись и те, которые сдались. Ожесточённые казаки всех перекололи»... — вот характерные цитаты. Долгая, тяжёлая, кровавая история; беспощадная, но не бессмысленная.

Вот только что мы о ней знаем, если на эту тему не написано романов и не снято фильмов?

Камчатские сюжеты, как нетрудно заметить, сливаются с двумя другими ключевыми в понимании Пушкина темами русской национальной истории — Петровской эпохой и казацкой вольницей. Вот взбунтовались уже сами казаки, недовольные суровостью Владимира Атласова, и засадили его в *казёнку* (тюрьму). В какой-то момент на Камчатке собралось сразу трое конкурирующих представителей государственной власти — бежавший из-под замка Атласов и вновь присланные государственные приказчики Пётр Чириков и Осип Миронов (Липин). Последний сразу был «зарезан от казаков», Чирикову дали время покаяться, после чего «бросили скованного в пролуб» — прорубь; Атласова казаки зарезали спящим. «Так погиб камчатский Ермак!» — говорит о конце Атласова Пушкин, самой этой параллелью с покорителем Сибири Ермаком Тимофеевичем³⁷ устанавливая для описываемых событий подобающий, в его представлении, исторический масштаб.

Считается, что на основе труда Степана Крашенинникова Пушкин готовил для журнала «Современник» статью о покорении Камчатки. Вот её возможное начало: «Завоевание Сибири постепенно совершалось. Уже все от Лены до Анадыри реки, впадающие в Ледовитое море, были открыты казаками, и дикие племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми сподвижниками Ермака. Вызвались смельчаки, сквозь невероятные препятствия и опасности устремлявшиеся посреди враждебных диких племён, приводили их под высокую царскую руку, налагали на их ясак и бесстрашно селились между ними в своих жалких острожках...»

Не исключено, что у Пушкина имелся замысел художественного произведения о Камчатке (как обращение к восстанию Емельяна Пугачёва породило не только историческую «Историю Пугачёвского бунта», но и художественную «Капитанскую дочку»). Порой пушкинские выписки из труда Крашенинникова перерастают в прозаические наброски: «Камчатка — страна печальная, гористая, влажная. Ветры почти беспрестанные обвевают её. Снега не тают на высоких горах. Снега выпадают на три сажени глубины и лежат на ней почти восемь месяцев. Ветры и морозы убивают снега; весеннее солнце отражается на их гладкой поверхности и причиняет несносную боль глазам. Настаёт лето. Камчатка, от наводнения освобождённая, являет скоро великую силу растительности; но в начале августа уже показывается иней и начинаются морозы». Ещё первый пушкинист Павел Васильевич Анненков³⁸ был убеждён: Пушкин делал камчатские выписки «для будущего художнического воспроизведения казачьих подвигов и правительственных распоряжений в этой земле». Но, к сожалению, на всех этих планах поставил крест Дантес.

Символичным представляется то, что работу Пушкина над дальневосточным замыслом прервала именно французская пуля. За восточные территории и акватории России в XIX веке приходилось соперничать, как ни странно, не столько с Азией,

сколько с Европой. Дальневосточные («тартарские») берега за несколько лет до основания Владивостока описывали англичане и французы, давая здешним бухтам и мысам свои названия; в 1854 году гарнизон адмирала Василия Степановича Завойко³⁹ оборонял Камчатку от англо-французской эскадры. Не приди сюда Россия — на тихоокеанском берегу вместо Владивостока могли бы появиться европейские колонии, как они возникли южнее, в Китае: английский порт Гонконг, немецкий Циндао, португальский Макао и т. д.

Помимо равнодушия к отечественной истории, у Пушкина имелись причины личного характера для того, чтобы интересоваться Дальним Востоком. Его дальний родственник Василий Никитич Пушкин⁴⁰ в 1644 году был назначен воеводой в Якутск. К месту новой службы из-за логистических особенностей, свойственных эпохе и территории, он прибыл лишь в 1646 году, после чего пробыл в должности около трёх лет.

Пушкинский прадед Ибрагим Петрович Ганнибал⁴¹, попав после смерти Петра I в опалу, был, по словам самого поэта, «послан в Сибирь с препоручением измерить Китайскую стену».

Один из лицейских друзей Пушкина, Фёдор Фёдорович Матюшкин⁴², в 1820 году в чине мичмана отправился на Ледовитое побережье исследовать *terra incognita* — местность от устья Индигирки в Якутии до Колючинской губы на Чукотке — в составе экспедиции лейтенанта Фердинанда (Фёдора) Петровича Врангеля⁴³ (впоследствии оба дослужились до адмиральских чинов, Врангель в 1855—1857 годах занимал пост морского министра). Писатель, чукотский классик Юрий Сергеевич Рытхэу⁴⁴ в своей последней книге «Дорожный лексикон» приводит историю, слышанную им в детстве от сказителя Нонно: «Дело происходило... на мысе Рыркайпий⁴⁵... Гостями местного, говоря нынешними словами, олигарха Армагиргина были русские путешественники — Фердинанд Врангель и Матюшкин». При свете жирников — светильников, в которых горел тюлений жир, — хозяева и гости давили вшей. Путешественники расспрашивали о «загадочном острове, якобы

расположенном строго на север от Рыркайпия». Армагиргин сообщил гостям: каждую весну к этому острову летят стаи белых гусей, а зимой переправляются песцы и стада диких оленей; более того, там даже «жили люди из племени анкалинов — морских людей». Возможно, речь идёт об острове Врангеля, о котором к тому времени русским уже было известно от нескольких путешественников, хотя на картах он утвердился лишь во второй половине XIX века. По другой версии, Армагиргин рассказывал Матюшкину о не существующем ныне острове, который мы знаем как «Землю Санникова» из одноимённого романа геолога, академика Владимира Афанасьевича Обручева⁴⁶, опубликованного в 1926 году (обитателей этой земли Обручев называет онкилонами — созвучно с анкалинами).

Вероятно, именно к будущему адмиралу Фёдору Матюшкину обращено пушкинское стихотворение «Завидую тебе, питомец моря смелый...», лирический герой которого мечтал оставить «берега Европы обветшалой».

Пушкин намеревался и сам побывать на Дальнем. Когда в 1829 году Министерство иностранных дел России решило отправить в Китай большую дипломатическую и научную миссию, её глава — друг Пушкина, востоковед, изобретатель электромагнитного телеграфа Павел Львович Шиллинг⁴⁷ — даже включил было Александра Сергеевича в состав экспедиции. Надо сказать, что интерес Пушкина к Китаю был далеко не поверхностным. Он дружил с архимандритом Иакинфом (Бичуриным)⁴⁸ — востоковедом, составителем русско-китайского словаря, много лет служившим в Пекине в Русской духовной миссии. Тот дарил Пушкину книги по истории Китая; поэт писал, что «глубокие познания и добросовестные труды» отца Иакинфа (Бичурина) «разлили свой яркий свет на сношения наши с Востоком». Рискнём предположить, что даже сегодняшний наш «поворот на восток» в каком-то смысле запрограммировал Пушкин ещё в те времена, когда Китай считали «спящим» и «недвижным». Вероятно, по дороге

в Китай — в Иркутске или окрестностях — Пушкин рассчитывал увидеться с декабристами, отбывавшими ссылку. Однако разрешения отправиться в дальний поход поэт (уже написавший стихи «Поедем, я готов...», в которых упомянул «стену далёкого Китая») не получил.

С Китаем не вышло; как знать — может, вышло бы с Камчаткой, если бы не Дантес?

Когда Пушкин отправился на последнюю дуэль, на его столе остались лежать камчатские наброски. Проживи он несколько дольше — и мы, вероятно, получили бы шедевр, с которого могла бы начаться большая литература восточного русского фронта. Но вышло так, что Пушкин оставил нам лишь неоконченное предисловие.

С другой стороны, восточные устремления Пушкина, вероятно, повлияли на творчество последующих литераторов, включая уже упомянутых Гончарова и Чехова, — первых классиков главного калибра, добравшихся до Дальнего Востока и написавших о нём.

Этими классиками — а ещё офицерами, географами, разведчиками, умевшими держать в руках и оружие, и компас, и перо (Невельской, Венюков⁴⁹, Пржевальский⁵⁰...), — будет порождён первый дальневосточный гений места Владимир Арсеньев. Именно он создаст образ Дерсу Узала — первого дальневосточного героя, ставшего всесоюзным и даже (спасибо японскому режиссёру Акире Куросаве⁵¹) мировым. Книги Арсеньева об Уссурийском крае, в свою очередь, вдохновили Михаила Михайловича Пришвина⁵² на то, чтобы приехать в Приморье, проникнуться этой территорией и написать о ней важные слова.

Все эти очарованные странники — адмиральский секретарь Гончаров, переписчик каторжан Чехов, пехотный офицер Арсеньев, натуралист Пришвин... — соединены тонкой, но прочной связью, тексты их полны осознанных и неосознанных переключек. Они по очереди держали факел, который до сих пор освещает нам дорогу на восток. Своими

травелогами они открывали далёкие русские периферии для самой же России, продолжая дело казаков, моряков, первопроходцев, ведомых за Урал могучим имперским инстинктом (не только же сободем, как утверждают приземлённые западные историки).

На Дальнем Востоке появлялись местные авторы и целые литературные кланы. Издатель, прозаик, летописец Владивостока Николай Петрович Матвеев (Амурский)⁵³ — первый европеец, родившийся в Японии, автор выпущенных книгоиздателем Иваном Дмитриевичем Сытиным⁵⁴ в 1904 году «Уссурийских рассказов», — стал отцом семейства, из которого вышли футурист Венедикт Николаевич Март⁵⁵, поэт Иван Венедиктович Елагин⁵⁶, географ и литератор Николай Николаевич Матвеев (Бодрый)⁵⁷, философ Нон Эсма⁵⁸, лётчик и прозаик Лев Петрович Колесников⁵⁹, бард Новелла Николаевна Матвеева⁶⁰. Другой пишущий клан основал сосланный за участие в Польском восстании 1863—1864 годов Михаил Иванович Янковский⁶¹ — предприниматель, исследователь, меценат. Его сын Юрий⁶² в 1944 году издаст в Харбине книгу «Полвека охоты на тигров». Внук Валерий⁶³ доживёт до XXI века, напишет летопись своей семьи «Нэнуни» и гроздь охотничьих рассказов.

В эпоху революций Владивосток, набитый разномастными интервентами и потрясаемый переворотами, стал столицей футуризма. Давид Давидович Бурлюк написал в Приморье «Морскую повесть» и множество картин⁶⁴. Сергей Михайлович Третьяков⁶⁵ выпустил здесь свою первую книгу «Железная пауза». Николай Николаевич Асеев⁶⁶ издал сборник «Бомба» и основал «Балаганчик» — местное «Стойло Пегаса», где собирались литераторы, артисты, музыканты, по разным причинам очутившиеся в смутное время на краю пылающей империи. Велимир Хлебников⁶⁷ до Приморья не доехал, но написал стихи «Переворот во Владивостоке» и изобрёл слово «овладивосточить».

После занятия Владивостока красными восточной столицей белой эмиграции стал Харбин. В текстах русских харбинцев и шанхайцев творился синтез европейского и азиатского. Отечественная словесность, пусть и разделённая государственными границами, обогащалась смыслами, накопленными древними цивилизациями Востока.

О Гражданской войне на Дальнем Востоке писали её участники — бывшие партизаны Рувим Исаевич Фраерман⁶⁸ (повесть «Васька-гиляк»; самая известная вещь Фраермана «Дикая собака Динго...» — не о войне, но тоже о Дальнем Востоке, её место действия — не названный прямо, но узнаваемый Николаевск-на-Амуре), Александр Александрович Фадеев⁶⁹ («Разгром», «Против течения», «Последний из удэге»), Виктор Павлович Кин, он же Суровикин⁷⁰ — автор великолепного романа «По ту сторону».

В 1926-м владивостокская газета «Красный молодняк» напечатала стихи «Октябрь» — это была первая публикация шестнадцатилетнего «трансазиатского поэта» Павла Васильева⁷¹. Во Владивостоке он познакомился с литераторами есенинского круга Рюриком Ивневым⁷² и Львом Повицким⁷³, подружился с Донатом Мечиком⁷⁴ — будущим отцом Сергея Довлатова⁷⁵, печатавшим в приморской газете «Красное знамя» стихи:

Льются солнцем лучи, словно струны,
Рано утром поют петухи,
Ах, как хочется радость и юность
Переплавить в стальные стихи...

Сергей Довлатов позже напишет: «Владивосток был театральным городом, похожим на Одессу. В портовых ресторанах хулиганили иностранные моряки. В городских садах звучала африканская музыка. По главной улице — Светланке — фланировали щёголи в ядовито-зелёных брюках. В кофейнях обсуждалось последнее самоубийство из-за неразделённой любви...» Сам он в отличие от своих родных во Владивостоке

ни разу не был; воспринимать его прозу в качестве документа не стоит, несмотря на присутствие в ней подлинных фамилий. Но точно известно, что дядя Довлатова — Михаил Мечик — учился вместе с Александром Фадеевым во Владивостокском коммерческом училище и даже печатал стихи в сборнике «Зелёные побеги», который тот редактировал.

Считается, что роковую роль в судьбе Бориса Пильняка⁷⁶ сыграла «Повесть непогашенной луны» о загадочной смерти командарма Гаврилова, в фигуре которого угадывался наркомвоенмор Михаил Васильевич Фрунзе⁷⁷. Но формальным поводом для ареста и расстрела писателя стало обвинение в шпионаже в пользу Японии, где он побывал в 1926 году, после чего написал «Корни японского солнца» — одну из первых книг, открывавших русскому читателю Страну восходящего. Комментарий к «Корням...» под названием «Ноги к змее» подготовил востоковед, уроженец Владивостока, контрразведчик, прозаик Роман Николаевич Ким⁷⁸.

Для писателей XIX века русским фронтиром был Кавказ, о котором писали Пушкин, Лермонтов, Толстой... Дальний Восток ещё не воспринимался в качестве полноценной части России. «Русское сознание не видело здесь ни русских героев, ни русской жизни, ни русских проблем — кроме, может быть, военных, государственных... Наши писатели в интеллектуальном, творческом смысле жили той, привычной русской землёй. Они описывали, зарисовывали, давали имена, придумывали дальневосточный язык, но здесь ещё не было русской жизни, некуда было помещать героев», — размышлял дальневосточный литературовед Александр Михайлович Лобычев, автор отличной книги эссе «На краю русской речи».

Фритъоф Нансен⁷⁹ записал во время своей сибирско-дальневосточной поездки 1913 года: «Странно, что эти дремучие необозримые леса с их реками и проживающими тут туземцами никогда не пленяли детской фантазии, как девственные леса Америки с их краснокожими обитателями. Названия рек: Енисей, Лена, Ангара, Тунгуска, Байкал —

и племён: остяки, тунгусы, якуты — никогда не пробуждали мальчишескую фантазию, как Гудзон, Делавэр, Великие озёра, по берегам которых издревле селились могикане, делавары, индейцы сиу. Быть может, потому что у Сибири нет своего Купера? Ведь жизнь здесь не менее удивительна и сказочна, чем в Америке».

Понимание Дальнего Востока как нового русского фронта пришло в XX веке — с новыми угрозами.

В 1930-х годах регион ощущал настоящее писательское паломничество. Часто это был эскапизм, бегство от столичных проблем или самого себя... — но бегство не в тыл, а на передовую. Тогда казалось, что мировая война вспыхнет не на Западе, а на Востоке. Прозаики Гайдар⁸⁰, Кетлинская⁸¹, Лапин⁸² и Хацревин⁸³, Евгений Петров⁸⁴ (из его очерка о комсомолках-хетагуровках: «Я убедился, что на Камчатку, на Сахалин, в Комсомольск хотят ехать почти все. И все ищут “трудностей”...»), поэт, автор песен про любимый город и цветущие на Марсе яблони Долматовский⁸⁵ («Испания и Дальний Восток были в те времена самыми романтическими адресами наших мечтаний. В Испанию я не попал. Что ж, махну на Дальний Восток!»), кинорежиссёры Васильевы⁸⁶, Довженко⁸⁷, Герасимов⁸⁸... Будущий автор повести «Звезда» о разведчиках Эммануил Генрихович Казакевич⁸⁹ в 1930-х строил Еврейскую автономию — Израиль-на-Амуре. Поэт Илья Львович Сельвинский⁹⁰ заготавливал пушнину на Камчатке, путешествовал на «Челюскине», писал стихи о тиграх и нерпах. Автор романа «Далеко от Москвы» Василий Николаевич Ажаев⁹¹ строил нефтепровод с Сахалина на материк сначала как заключённый, потом как вольный. Пётр Андреевич Павленко⁹² написал в 1937 году роман «На Востоке» о будущей войне, где советские бомбардировщики громят Токио, причём в кабине самолёта нанаец Бен Ды-Бу распевает «Интернационал»; а потом японские пленные строят под Владивостоком новый город и стремительно «перековываются».

На Дальний Восток попадали — по своей или чужой воле — умные и энергичные люди.

Рувим Фраерман:

«Я спросил у него, почему он так стремился на Дальний Восток. Он ответил:

— Здесь — граница и ближе враг.

Потом, подумав немного, добавил:

— Тут есть виноград и кедры».

Вот оно: передний край плюс экзотика.

Илья Сельвинский написал в 1932 году:

Камчатка — действительно твёрдый берег!

(«Отдать якоря!» — приказ.)

И я открываю её, как череп,

Как Лермонтов — Кавказ.

Русскими киплингами, вглядывавшимися в восточные горизонты, стали Сергей Владимирович Диковский⁹³ («Патриоты», «Приключения катера “Смелый”»), Константин Михайлович Симонов⁹⁴ («Далеко на востоке», «Товарищи по оружию»), несколько позже — Юлиан Семёнович Семёнов⁹⁵, начавший свою штирлицяну Дальним Востоком времён Гражданской, и Александр Андреевич Проханов, первой горячей точкой которого стал в 1969 году остров Даманский на Уссури.

«Военная тайна», начатая Гайдаром в Хабаровске в 1932 году (он тогда работал в газете «Тихоокеанская звезда» — писал о лесозаготовках, шахтёрах, промысле иваси, бюрократах, строительстве НПЗ...), полна предчувствия новой войны с Японией. Или, скорее, новой фазы этой войны, шедшей с перерывами почти всю первую половину XX века.

Баталистская звезда Константина Симонова зажглась в 1939-м на Халхин-Голе. Когда говорят пушки, музы не молчат; просто их голос порой неотличим от звука винтовочного выстрела или разрыва мины.

Андрей Сергеевич Некрасов⁹⁶, окончивший Владивостокский морской техникум (тот самый, где чуть раньше училась

легендарная Анна Ивановна Щетинина⁹⁷ — первая в мире леди-капитан) и работавший в 1930-х в тресте «Дальморзверпром», придумал капитана Врунгеля — русского Мюнхгаузена, объединив термин «травелог» с морским словечком «травить». В книге сполна отразилось время: главный недруг Врунгеля — адмирал Кусаки из «одной восточной державы», а сам капитан не упускает случая рассказать о планах «японских бояр» по захвату Сибири и Китая.

Изучение дальневосточных архивов времён Гражданской войны и рассказы вышеупомянутого Романа Кима — «советского Флеминга», основоположника отечественного шпионско-политического романа («Девушка из Хиросимы», «Тетрадь, найденная в Сунчоне», «По прочтении сжечь») — помогут Юлиану Семёнову придумать Штирлица. Действие первого романа о легендарном разведчике «Пароль не нужен» развивается во Владивостоке, Хабаровске и занятом японцами Дайрене (он же — русский порт Дальний, ныне — китайский Далянь) в 1921—1922 годах. Сам Ким попал в эту книгу под именем связного Чена, он же — Марейкис.

Вот она — матрица территории, дальневосточный литературный взвод: арсеньевский таёжник Дерсу, фадеевский партизан Левинсон, гайдаровский Мальчиш-Кибальчиш, некрасовский Врунгель, семёновский Исаев-Штирлиц. Один символизирует гармонию в отношениях человека и природы, другой — целеустремлённость в служении Делу, третий — патриотизм...

А как представить нашу словесность без колымской прозы Варлама Шаламова? Она — не столько о лагере, сколько о человеке, его безграничной способности к подлости, о бездне, в которую он опустит себя и ближнего, если создать для этого минимальные условия.

З/к Заболоцкий⁹⁸ строил Комсомольск-на-Амуре, з/к Жигулин⁹⁹ добывал олово на Колыме, з/к Мандельштам¹⁰⁰ умер во Владивостокском пересыльном лагере. Автор «Крутого маршрута» Евгения Соломоновна Гинзбург¹⁰¹, выйдя в 1947 году

из лагеря, некоторое время жила в Магадане, там же провёл юность её сын — будущий писатель Василий Павлович Аксёнов¹⁰². Артист Георгий Степанович Жжёнов¹⁰³, отбывавший срок на Колыме (попал за решётку прямо со съёмок герасимовского «Комсомольска»), написал великий рассказ «Саночки», Валерий Юрьевич Янковский¹⁰⁴ — автобиографическую повесть «Этапы». Если у Шаламова показаны психология и физиология расчеловечивания, то Жжёнов и Янковский пишут о том, как человеческое может сохраняться даже в нечеловеческих условиях.

1960-е привнесли новую дальневосточную моду: романтики, геологи, комсомольцы, БАМ... Анатолий Тихонович Гладилин¹⁰⁵ добывал золото на Чукотке. Чингиз Торекулович Айтматов¹⁰⁶ писал прозу о нивхах. Фазиль Абдулович Искандер¹⁰⁷ — стихи о камчатских рыбаках:

Первой камбалы первый блин
Шлёпнулся и погрузился в сплин.

Красный краб, королевский краб
Шевелит свастикой сломанных лап.

.....

Камчатка! Клубятся вулканы вдали.
Вселенское утро. Начало земли.

В позднесоветское время на Дальнем Востоке писали и публиковались Иван Басаргин¹⁰⁸ («Дикая пчела»), Александр Плетнёв¹⁰⁹ («Шахта»), Григорий Федосеев¹¹⁰ («Смерть меня подождёт»), Николай Задорнов¹¹¹ («Амур-батюшка»), Олег Куваев («Территория»), Альберт Мифтахутдинов¹¹² («Закон полярных путешествий»), Юрий Вознюк¹¹³ («В плавнях Ханки»), Владислав Лецик («Пара лапчатых унтов»), Радмир Коренев («Опасное затишье»), Анатолий Буйлов¹¹⁴ («Тигроловы»), Анатолий Вахов¹¹⁵ («Трагедия капитана Лигова»), Станислав Балабин¹¹⁶ («Пёстрые стрелы Сульдэ»), Геннадий Машкин¹¹⁷ («Синее море, белый пароход»), Владимир Илюшин¹¹⁸

(«Тихоокеанское шоссе»)... За всей этой литературой стояла серьёзная, сложная, интересная, разнообразная жизнь.

Действие повести Бориса Андреевича Можаяева¹¹⁹ «Власть тайги», по которой Владимир Александрович Назаров¹²⁰ снял фильм «Хозяин тайги» (1968), происходит в Приморье, где Можаяев — военный инженер — служил в 1950-х годах после передачи Порт-Артура¹²¹ Китаю. Съёмки фильма велись в Красноярском крае, приморскую специфику заменили сибирской. Именно благодаря экологическим детективам Можаяева Владимир Семёнович Высоцкий¹²² увлёкся удэгейской мифологией и даже сочинил песню «Реальней сновидения и бреда...».

Свои классики появились у каждого народа. Русский язык делился с коренными жителями Востока и Севера письменностью — а те обогатили его новыми оттенками и даже словами, начинающимися с буквы «ы» (якутские посёлки Ыллымах, Ытык-Кюёль, Ымыяхтах). В русскую словесность пришло дыхание уссурийской тайги, чукотской тундры, Тихого океана. Особая реальность требовала особых слов — и в нашем языке появились тайфуны и хунхузы, фанзы и манзы.

Даже сейчас Дальний Восток нередко воспринимается так называемой Центральной Россией («так называемой» — поскольку в строго географическом смысле Центральной Россией давно стала Сибирь) как другая планета, таинственное зазеркалье.

Если сравнить Японское море по степени его освоённости русским языком с Чёрным или Балтийским, первое проиграет. Дольше на востоке — избыток тем и недостаток целинников. Восточная окраина не избалована обилием талантов нелокального масштаба. В Высшей лиге за Дальний Восток чаще всего играют легионеры. Местные кадры растут с трудом — климат неподходящий?

Московский или питерский, киевский или одесский, уральский или кавказский тексты русской литературы хорошо известны. С дальневосточным текстом — сложнее. У той же

Одессы были Бабель¹²³, Багрицкий¹²⁴, Олеша¹²⁵, Катаев¹²⁶, Козачинский¹²⁷... На Дальнем Востоке шла и идёт никак не менее интересная жизнь, чем в Одессе, но своих Бабелей не нашлось — и целые пласты героев и сюжетов канули в Японское, Охотское, Берингово моря.

Почти нетронутое месторождение — азиатское соседство. А ведь взаимное проникновение Азии и Европы, обозначившееся было в литературе восточной эмиграции (Арсений Несмелов¹²⁸, Юльский¹²⁹, Щербаков¹³⁰, Валерий Перелешин¹³¹, Байков¹³²...), могло дать интереснейшие плоды. Но даже дальневосточники, щеголяющие близостью к Азии, остаются почти изолированными от соответствующих культур. Им (нам), как и соотечественникам по ту сторону Урала, ближе и понятнее западные литература и музыка.

Наиболее адекватное отражение Владивостока 1990-х годов дали даже не писатели, а профессор-юрист Виталий Анатольевич Номоконов, сочинивший учебное пособие по организованной преступности, и механик Сергей Владимирович Корниенко — автор книги «Ремонт японского автомобиля». Пространство и время осмысливались нехудожественными текстами — вплоть до газетных объявлений и милицейских сводок с их невыдуманным драматизмом и неожиданной поэзией.

Джойс¹³³ и Эренбург¹³⁴ сопоставляли Владивосток с Сан-Франциско. Сходство действительно есть, и не только внешнее. Один из персонажей Джека Лондона сетовал: «В Сан-Франциско всегда была своя литература, а теперь нет никакой. Скажи О’Хара, пусть постарается найти осла, который согласится поставлять для “Волны” серию рассказов — романтических, ярких, полных настоящего сан-францисского колорита».

Вопрос в том, где найти этого самого осла. И, главное, чтобы он при этом не был ослом.

Тем более что в 1990-х годах народ повалил с Дальнего Востока толпами, наперегонки. Теперь на миграцию в страну, а не из страны, а внутри неё — на восток, а не на запад, смотрят

как на подвиг самоотречения, изощрённый дауншифтинг или особую форму помешательства.

Распад СССР сделал Дальний Восток ещё более периферийным, чем это задано самой географией. Столичные писатели перестали ездить в «творческие командировки», местных уже никто не читал. Разрушение системы книгоиздания и книгораспространения больше всего ударило по малолюдным отдалённым регионам.

Сегодня всё держится на редких энтузиастах. Вернее даже — подвижниках.

Чем связаны герои этой книги — Гончаров, Чехов, Арсеньев, Лондон, Пришвин, Несмелов, Куваев?

Чехов и Арсеньев чтити Пржевальского.

Арсеньев дал компас Несмелову, уходящему в Китай, и вдохновил Пришвина на поездку в Приморье...

Но всё это — внешнее.

Куда важнее и прочнее другая связь — внутренняя.

Названные писатели — очень разные и по биографиям, и по характеру, и по стилю.

И всё-таки они связаны самой территорией и откровениями, пережитыми на ней. Традицией отечественной литературы, которая заинтересованно относилась к гигантскому русскому пространству и сама его расширяла. Нельзя отделять Ломоносова и Пржевальского — от Пушкина и Гончарова, Арсеньева и Венюкова — от Чехова и Пришвина, землепроходцев Стадухина¹³⁵ и Шалаурова¹³⁶ — от писателей Куваева и Мифтахутдинова.

Белогвардеец, русский фашист Арсений Несмелов вроде бы стоит особняком. Во Владивосток и Харбин он попал случайно. Но ведь и до него сколько людей попадало на Восток в силу стечения невесёлых обстоятельств — как, например, политические ссыльные Вацлав Серошевский, Владимир Тан-Богораз, Михаил Янковский, Бронислав Пилсудский¹³⁷... Они писали книги, занимались наукой, бизнесом, меценатством, так

или иначе утверждая на восточных берегах ту самую империю, против которой ещё недавно боролись. Арсений Несмелов, занесённый вихрем истории в Маньчжурию, поневоле стал «нашим человеком в Китае», начав осмысление того, что до него было осмыслить некому.

Очевидным образом выпадает из ряда американец Джек Лондон. Однако он, во-первых, связан с Россией, её литературной традицией и тихоокеанскими окраинами куда крепче, чем может показаться. Во-вторых, он помещён в эту книгу отнюдь не волюнтаристским решением автора. Лондон проник в неё сам, и автор просто не смог его не впустить. Тень Джека появлялась там и тут при работе над каждой главой. Если представить, что персонажи книги собрались вместе — Джек Лондон точно не окажется в этой компании чужим.

Пересечения в судьбах и текстах наших героев кажутся счастливыми рифмами, искрами, словно специально просверкивающими для того, чтобы мы яснее ощутили единство этих непохожих, но в чём-то главном — очень близких людей: писателей, первопроходцев, подвижников.

В рассказе «Через триста лет после радуги» Олег Куваев недрогнувшей рукой протягивает связующую нить через три столетия — от середины XVII века, когда наши предки вышли к Ледовитому океану, будущему Берингову морю и Америке, до второй половины века XX. Эта нить, несмотря на революции, войны и перестройки, не оборвана. Нужно просто настроить масштаб и фокус — и тогда удивительная связь времён, пространств и человеческих душ станет очевидной.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ ФРЕГАТА «ПАЛЛАДА»: ИВАН ГОНЧАРОВ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Иван Александрович Гончаров — прозаик, критик, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук по разряду русского языка и словесности, действительный статский советник. Родился 6 (18) июня 1812 года в Симбирске в купеческой семье. С 1822 по 1830 год учился в Москве в коммерческом училище, в 1831-м поступил на словесный факультет Московского университета, где проучился три года. По окончании служил секретарём симбирского губернатора. После переезда в 1835 году в Санкт-Петербург поступил в Департамент внешней торговли Министерства финансов.

В 1847 году в журнале «Современник» выходит его первый роман — «Обыкновенная история».

В 1852—1855 годах в качестве секретаря адмирала Евфимия Путятина участвует в походе фрегата «Паллада» из Кронштадта в Японию, обратно возвращается сушей. Печатает о путешествии очерки, которые в 1858 году выходят отдельной книгой под названием «Фрегат “Паллада”». В 1859 году журнал «Отечественные записки» публикует роман «Обломов». Писатель получает должность цензора. В 1862 году становится редактором газеты «Северная почта», в 1865-м — членом Совета по делам печати. С 1867 года — на пенсии. В 1869 году в журнале «Вестник Европы» выходит роман «Обрыв».

Личная жизнь Гончарова по разным причинам не сложилась, в последние годы он остался одинок.

Скончался 15 (27) сентября 1891 года в Петербурге, похоронен на Новом Никольском кладбище Александро-Невской лавры. В 1956 году прах писателя был перенесён на Волковское кладбище.

* * *

«Хватит ли души вместить вдруг, неожиданно развивающуюся картину мира? Ведь это дерзость почти титаническая!» — восклицал писатель Иван Гончаров, отправляясь в плавание на фрегате «Паллада».

Души хватило.

Гончаров в ходе этого путешествия не только обрёл, по запомнившемуся ему флотскому выражению, морские ноги, но стал естествоиспытателем, востоковедом и стихийным философом бесконечных зауральских пространств. Читая его книгу «Фрегат “Паллада”» (1855) вкупе с примыкающими к ней позднейшими очерками «Два случая из морской жизни» (1858), «Через двадцать лет» (1874) и «По Восточной Сибири» (1891),